

Неужели это закулисный кукловод, увидев провал Чжу Хэна, затеял что-то новое?

На его лице промелькнул испуг, и он покосился на стоявших рядом патрульных из переулка Хуайшу.

Во главе отряда был тот самый высокий из двух стражей, что некогда приводил его и Чжу Хэна к старосте переулка. Цзи Чаоань слышал, как другие звали его капитаном Чжаном; на вид ему было лет двадцать два или двадцать три, и лицом он вышел весьма ладным.

Тот улыбнулся Цзи Чаоань, присел, уперевшись руками в колени, как раз сравнившись ростом с маленьким мальчиком, и заговорил:

— Чаоань, не бойся. Стража Девяти Законов здесь лишь по долгу службы, никто не станет обижать тебя из-за того, что ты мал. Господин Кун даже специально велел мне и нескольким братьям сопровождать их для оказания содействия.

Капитан Чжан говорил одно, но на деле это называлось содействием лишь на словах, а на деле — надзором, чтобы эти люди не совершили чего лишнего. Эти слова предназначались как для Цзи Чаоань, так и для самой Стражи Девяти Законов.

Цзи Чаоань немного успокоился, сделал два шага назад, освобождая проход, и поклонился:

— Прошу вас, уважаемые господа, входите.

Старший из стражей Девяти Законов, мужчина средних лет, слегка кивнул и повёл людей внутрь книжной лавки. Они стали озиаться по сторонам, и то ли опасаясь стоявших рядом стражников из переулка Хуайшу, то ли по какой другой причине, вели себя и впрямь чинно и благопристойно, ни к чему не прикасаясь.

Еще двое стражей решительным шагом направились во внутренний двор. Цзи Чаоань торопливо побежал следом, семеня ножками, и заговорил:

— Во дворе кто-то рубит дрова... это вовсе не подозрительный человек, а такой же уроженец Луоцзиня, как и я.

Один из тех двоих стражей носил бороду, вид имел холодный и надменный, на ходу он даже не обернулся, второй же, круглолицый юноша, дружелюбно кивнул Цзи Чаоань.

Войдя во двор, Сяо Маня сидел за небольшим каменным столом, предназначенным для спасения от летней жары, и пил кашу. Увидев входящих стражников, он испуганно замер и машинально выставил руку вперед, прикрывая миску с едой.

Цзи Чаоань произнес:

— Братец Маня, не бойся, господа при исполнении служебных обязанностей.

Сяо Маня улыбнулся, кивнул и принялся дальше хлебать кашу — то ли смелости ему было не занимать, то ли умом он не отличался.

Двое стражей тем временем устали на юго-восточный угол двора и с мрачным видом остановились, обменявшись многозначительными взглядами.

У стены в юго-восточном углу стояла огромная квадратная железная клетка, оббитая по бокам досками для защиты от ветра, и в ней содержалось добрых три десятка кроликов.

Глаза разбегались от черно-бело-серых пушистых комочков: одни жались по углам, хрустя редиской и капустой, другие резвились, догоняя друг друга, а третьи застыли с отрешенным видом, словно погруженные в медитацию высокие монахи.

Сегодня Цзи Чаоань еще не кормил кроликов, и нарезанные ломтиками овощи, должно быть, помог нашинковать Сяо Маня в перерывах между рубкой дров. Он даже подбросил кусочки редиски в клетку к Маленькому Деревцу Хуай, что можно было назвать поистине блестящим ходом.

Цзи Чаоань испуганно округлил глаза и спросил:

— Этих кроликов я купил на рынке Цзычжу, изначально собирался откормить, чтобы подспорить хозяйству... Не, неужели среди них затеялся дикий зверь?

В подлунном мире праведный путь всегда соседствует с еретическим. Если люди сбиваются с истинного пути, они становятся демонами, а если Духи — нечистью. Посему демоны, духи, призраки и монстры, будь то в стране Четырех Духов или на Семи Путих Мерети, — это мерзость, подлежащая истреблению повсеместно.

Бородатый страж достал из поясного кошелька фиолетовый камень и направил в него духовную силу. Полупрозрачный камень засиял нежно-лиловым светом, испустив несколько лучей, которые прошли по всему двору. Свет рассеялся, а фиолетовый оттенок камня заметно потускнел.

Страж покачал головой в сторону сослуживца и убрал камень.

Тот страж, что был моложе и дружелюбнее, с любопытством подошел к отдельной клетке, присел на корточки и принялся разглядывать Маленькое Деревце Хуай:

— А почему этот сидит отдельно?

Цзи Чаоань нахмурился:

— Этот, похоже, приболел, аппетит у него плохой, от еды отказывается. Я боюсь, как бы он не заразил остальных, потому и отсадил его.

Маленькое Деревце Хуай забилося в самый дальний угол клетки, глаза его были крепко зажмурены, а длинные уши поникли. Оно совершенно не обращало внимания на лежавшие тут же кусочки редиски, и впрямь выглядя крайне болезненно.

Молодой страж просунул палец сквозь прутья клетки, пытаясь потрогать пушистый комочек, но клетка оказалась глубокой, а Маленькое Деревце Хуай сидело в самом центре у задней стенки, так что дотянуться не получалось.

Сердце Цзи Чаоань замерло от страха — он ужасно боялся, что Маленькое Деревце Хуай в гневе цапнет незнакомца. Видя, как тот упорствует, получая от этого странное удовольствие, мальчик горько улыбнулся:

— Господин, кролик болен, да к тому же пуглив от природы, ему нельзя нервничать. Если вы его испугаете и он совсем зачихнет, я зря потрачу деньги на этого зверя.

Бородатый страж усмехнулся:

— Такой сопливый, а уже копейки считает, весь в наживе увяз.

Цзи Чаоань снова нахмурился:

— Любая вещь в поднебесной дается немалым трудом, так что же плохого в бережливости? К тому же я защищаю собственные деньги и не ущемляю чужих интересов, в чем моя вина? Вы, господин, не ведаете тягот простого народа, судите обо всем однобоко, с какой стати высыпаете на меня столько упреков?

Лицо бородатого стража потемнело:

— Дерзко!

Тогда Цзи Чаоань поспешно сменил тон:

— Это Чаоань выразился неуместно и оскорбил господина. Но ведь вы ходите по улицам Луоцзиня и повидали всякое, неужели вам неведомо, как тяжело такому ребенку, как я,

потерявшему в ранние годы родителей и не имеющему за спиной родни, выживать в одиночку? Вы, господин, наверняка не станете притеснять десятилетнего сироту, а напротив, проявите снисхождение, как и подобает по человеческому совести.

Бородатый страж лишился дар речи от такого ответа и злобно бросил:

— Острый язычок! Гляжу я на тебя — вовсе тебе не трудно!

Добродушный молодой страж тоже прыснул со смеху, поднялся на ноги и произнес:

— Это я виноват. Уж очень люблю всякую живность, завижу пушистый комок — и руки сами тянутся... кх-кх, потерял лицо, потерял.

В этот момент старший из проверяющих поравнялся с капитаном Чжаном. Бородатый и молодой стражи с серьезными лицами подошли к ним и доложили:

— Ничего подозрительного.

Капитан Чжан легко кивнул Цзи Чаоань.

Начальник отряда тоже кивнул и отдал приказ:

— Уходим.

Стража Девяти Законов появилась стремительно и удалилась столь же решительно. Цзи Чаоань хоть и бросился за ними слева спросить, кто был доносчиком, но стражники, разумеется, не стали бы раскрывать ему этого.

Не смирившись, он окликнул их:

— Разве тот доносчик может безнаказанно молоть языком и клеветать на честных людей? Ему это так и сойдет с рук?

Начальник отряда бесстрастным голосом произнес:

— Управление Девяти Законов разберется само, тебя это не касается.

Цзи Чаоань возразил:

— Не скажите, это дело касается меня напрямую... Ведь оклеветали-то меня!

Начальник отряда опустил взгляд на мальчишку, ростом не достававшего ему до пояса, и мягко произнес:

— Малыш, учись прилежно грамоте, вот это истинный путь. А всякая суета — лишь дым перед глазами.

С этими словами он повел людей прочь.

Цзи Чаоань почтительно поклонился ему вслед и тихо промолвил:

— Благодарю за наставление.

Капитан Чжан тоже подошел ближе и похлопал Цзи Чаоань по плечу:

— Возвращайся. Продолжения у этого дела не будет, не бери в голову. Если что-то понадобится, приходи к господину Куну. Ты еще мал, не пытайся тянуть все в одиночку.

Цзи Чаоань искренне поблагодарил и его, а затем вдруг широко улыбнулся:

— Я и без их слов знаю, кто это был. В те дни, когда я ловил рыбу и разводил кроликов, тот пацан из семьи Ма все видел.

Капитан Чжан опешил, наклонился и понизил голос:

— Чаоань, не вздумай глупить.

Цзи Чаоань завел руки за спину и улыбнулся капитану столь невинно, что чистая белизна его щек слегка зарделась, словно молоденький абрикос на ветке под дуновением раннелетнего ветерка:

— Капитан Чжан может не беспокоиться, он младше меня, я не стану распускать руки.

Капитан Чжан слегка кивнул, дал еще пару наставлений и тоже ушел вместе с патрульными.

Проводив стражу, Цзи Чаоань затворил ворота лавки, и только тогда лицо его понемногу омрачилось. Он крепко сжал кулаки, во взгляде проступили мрачная злоба и жесткость — совсем не похожий на себя прежнего.

Услышав шаги за спиной, он тут же стер с лица это выражение. Обернувшись, он увидел Сяо Маню, который приблизился и участливо спросил:

— Чаоань... хозяин! Что с тобой?

Цзи Чаоань не знал, успел ли Сяо Маня заметить его недавнюю свирепую гримасу, но от подобных слов на душе у него немного потеплело, и он покачал головой, мол, всё в порядке.

Затем он вдруг усмехнулся, скрестил руки на груди и презрительно бросил:

— Он-то думал, что действует скрытно и не оставляет следов. Для столь юного возраста ума ему не занимать, методы не назовешь глупыми. Жаль только, что попался он прямо мне на глаза. Я столько лет подыгрывал его проделкам, что мне достаточно лишь бросить взгляд, чтобы понять, куда он собирается пустить пыль в глаза. Тягаться со мной, соучеником? Если ему не нужна эта жизнь — ладно, но раз он сам полез... Уж я-то ему ничего не отдам!

Сяо Маня понял его слова лишь наполовину, но все равно глупо улыбнулся, кивнул, потирая руки, и приблизился:

— Хозяин говорит умно, только Ма Шо всего восемь лет, как бы он ни шалил, из лап хозяина ему не вырваться... Хозяин, а нельзя ли мне еще миску каши? Я не наелся...

Сяо Маня ничего не подозревал и просто поддакивал, услышав, как Цзи Чаоань упомянул пацана из семьи Ма. Однако сам Цзи Чаоань сейчас имел в виду Гао Яо.

Стража Девяти Законов и впрямь искала демонического зверя, но, пожалуй, даже их начальник не ведал, какова истинная подоплека отданного ему приказа: младший сын Господина Чиго разыскивал кролика.

И хотя Господин Чиго холодно относился к Гао Хуай, он никоим образом не мог допустить, чтобы его любимый сын Гао Яо понес наказание за убийство брата. Гао Яо действовал втайне от отца, и именно в этом крылся шанс Цзи Чаоань спасти Серого кролика.

Цзи Чаоань затащил Сяо Маню во двор, велел ему присесть на корточки и шепнул на ухо несколько слов. Глаза Сяо Мани округлились до предела:

— Чего? И вправду так сделать?

Цзи Чаоань твердо кивнул:

— Братец Маня, сделай все тихо-мирно. Что вылетело из моих уст, то осело в твоих ушах, третья душа об этом не должна узнать. Если возьмешься за дело, весь мой котелок каши с каштанами и каракатицей достанется тебе.

Сяо Маня расплылся в улыбке и замахал руками:

— Не нужно, не нужно... хватит и еще одной миски, как же можно забирать весь котелок, матушка узнает — прибьет...

Он сболтнул лишнее сгоряча, а стоило словам сорваться с языка, как он заметил, что у малыша помрачнел взгляд, и с раскаянием принялся хлопать себя по щекам. Вспомнив, как этот фарфорово-кукольный мальчик опускает густые ресницы, и подумав о том, как добрая и приветливая тутёшка Юй стряпала для него мягкие душистые пирожные с османтусом, когда он сам еще подрабатывал в лавке, а нынче они разлучены навеки и этот крошечный ребенок остался коротать дни в одиночестве, Сяо Маня проникся к нему еще большим жалостливым чувством.

Он хлопнул себя по груди:

— Чаоань, не бойсь! Все, что велел, исполню в лучшем виде, три в подарок за ту же цену!

Цзи Чаоань лишь на миг поддался чувству ностальгии, но тут же взял себя в руки:

— Никаких подарков не нужно. Делай так, как я сказал, братец Маня, до единой черточки следуй плану.

Сяо Маня закивал:

— Понял, всё понял!

Цзи Чаоань наложил ему еще одну большую миску каши, а заметив, что кусочки каракатицы в ней остыли, отнес всю миску целиком прямо в клетку к Маленькому Деревцу Хуай.

Наевшись до отвала, Сяо Маня довольный отправился домой.

Тогда Цзи Чаоань открыл клетку. Серый кролик сидел мордой к стене, отвернувшись от него хвостом и показывая всем видом свое пренебрежение, но миска с каракатицей оказалась вылизана начисто.

Цзи Чаоань вытащил его из клетки, прижал к груди и с добрый десяток раз провел ладонью от ушей до спинки, тихо приговаривая:

— Маленькое Деревце Хуай, а помнишь ли ты, где я тебя подобрал? Сегодня ночью мы...

Голос его становился все тише. Он поднял кролика так, чтобы их лбы соприкоснулись, и чуть не зашептал прямо в длинные уши.

Кроличья шерстка была мягкой и тонкой, а этот Серый кролик, застрявший в детском возрасте, облачился в шубку, легкую словно облачко. Наговорившись, Цзи Чаоань не удержался и принялся тереться о него лицом. Но вдруг Маленькое Деревце Хуай заерзло и выпрыгнуло у него из рук.

Цзи Чаоань сделал пару шагов вслед, снова подхватил кролика, потискал его и только тогда отпустил на все четыре стороны. Сам же он допил кашу, вымыл посуду, прибрался и, заметив по водяным часам, что настал оговоренный час, вышел со двора.

В полдень небо заволокло тучами. В Луоцзине все еще стояли ранневесенние холода, при каждом выдохе изо рта поднимался пар, на улицах почти не было прохожих, а в лавке тканей семьи Ма и вовсе стояла зловещая пустота — ни единого покупателя.

Цзи Чаоань открыто вошел внутрь. Под испуганными взглядами Ма Сяохуа, стоявшей за прилавком, он легко улыбнулся, а затем сноровисто и безжалостно разнес лавку.

Накормив младенца, я потерял сон ха-ха-ха-ха _(:з[]∠)_

Заодно спасибо котику, я наконец-то дописал эту главу.

Месть Ма Шо

Громить чужую лавку Цзи Чаоань довелось впервые за обе свои жизни.

Сперва движения вышли скованными, но стоило растрепать пару рулонов ткани и бросить на пол, как дело пошло быстрее. Руки освоились, движения стали размашистее и увереннее, и всего за десяток с небольшим мгновений он превратил материю в такое хаотичное задымленное побоище, будто здесь пронесся тайфун.

Ма Сяохуа с визгом и перепуганным лицом подхватила юбки и бросилась во внутренний двор звать на помощь. Узнав о случившемся, Ма Шо вылетел наружу.

К тому моменту Цзи Чаоань уже вытащил наружу и бросил в кучу большую часть тканей из лавки. Красные, белые, зеленые, синие, бурые, коричневые, черные — они образовали пестрый, цветастый холм из рулонов, на который мальчик посмотрел с полным удовлетворением. Раз уж он дал слово капитану Чжану, то сдержит его: он не тронет Ма Шо и пальцем... Барский сынок просто разнесет его лавку!

— Цзи Чаоань! Ты, голодранец проклятый! Сукин сын! Какая тварь дала тебе смелости буянить в лавке? Я потащу тебя к чиновникам! Ублюдок, выродок, ничтожный собачий сын! — завопил Ма Шо, сжав кулаки и бросаясь на Цзи Чаоань.

Его рот изрыгал грязь и ругань, и в этот момент в нем не осталось ничего от вундеркинда из академии Сюанькун. Он ничем не отличался от уличной шпаны из трущоб, с которой Цзи Чаоань вечно дрался из-за кроликов.

Цзи Чаоань развернулся, уходя от удара, подставил подножку, и Ма Шо кубарем полетел в кучу тканей. Ловким движением вытянув еще несколько рулонов, Цзи Чаоань с размаху обрушил их на голову и плечи противника, погребя восьмилетнего мальчишку под грудой материи.

Ткани в лавке семьи Ма славились дешевизной и качеством, в основном это были плотная грубая ханза и синий хлопок, имевшие немалый вес. Сам Цзи Чаоань не смог бы поднять целый рулон, но даже от тех отрезков, что он сдернул с полок, у него на лбу выступил пот. Запутавшись в навалившихся друг на друга рулонах, Ма Шо с трудом барахтался, отчего его лицо побагровело от злости, и он принялся орать еще громче.

Цзи Чаоань усмехнулся:

— Так-то оно лучше смотрится. Ма Шо, если впредь чем-то недоволен, выкладывай все прямо. А вздумашь снова заниматься крысиной возней и грязными пакостями — я, господинчик, с тебя шкуру спущу.

Ма Шо отчаянно дернул за край белой ткани, закрывавшей ему лицо, и взревел:

— Ты... какую чушь несешь? Когда это я занимался грязными делами?

Цзи Чаоань прищурился и свысока, с пренебрежением глядя на копошившегося на полу ребенка, холодно бросил:

— Гляди-ка, как тебя совесть гложет, небось не одно грязное дело натворил. Сегодня это лишь легкое предупреждение, а посмеешь повторить — твоя лавка...

Визг Ма Сяохуа во внутренних покоях раздался как нельзя вовремя. Ма Шо охватила ярость и страх за дом; выбравшись из вороха материи из последних сил, он бросил на Цзи Чаоань испепеляющий взгляд и со всех ног помчался во двор.

У дверей внутреннего двора было налито тунговое масло, бочонок валялся на ступеньках, а рядом валялся кресальный огонек. Ма Сяохуа от страха лишилась сил в ногах и сидела на корточках у порога, не в силах подняться.

Лицо Ма Шо побелело как мел. Он подхватил кресало, сжав его в руке так, что побелели костяшки, и пронзительно взвизгнул:

— Кто это сделал?!

Ма Сяохау захныкала и замотала головой, пряча испуганное лицо за ладонями, и сквозь слезы пролепетала:

— Не... не успела... разглядеть...

Ма Шо заскрежетал зубами так, что заложило уши, и отдельно выговорил:

— Цзи Чаоань! Цзи... Чаоань! Раз уж ты такой злобный и не оставляешь людям выхода, не вини меня за бесчеловечность!

Он бросился обратно в лавку, но там царил лишь хаос и запустение — Цзи Чаоань и след простыл.

Однако его слова все еще звучали в ушах:

Если посмеешь повторить — твоя лавка...

Что — лавка?

Неужели сгорит?

Он посмел поджечь ее?!

Как он смел!

Скрипя зубами от гнева и затаенного ужаса, Ма Шо стоял с лицом настолько мрачным, будто с него собирались содрать кожу.

Стискивая в руке тот самый кресальный огонек, он вдруг холодно усмехнулся. Глаза его, темные и непроницаемые, сузились, и он прошипел, словно перемалывая зубы:

— Ладно. Ты сам меня вынудил.

Этой же ночью во внутреннем дворе Книжной лавки Юнчэн вспыхнул пожар.

К счастью, Цзи Чаоань вовремя заметил неладное, и огонь удалось потушить в самом зародыше.

Однако кроличья клетка у стены выгорела дотла. Семьдесят с лишним кроликов кто погиб, кто разбежался, и бедный мальчик горько рыдал, разыскивая ушастых всю ночь напролет.

Поджигателя, Ма Шо, которому едва исполнилось восемь лет, поймали дежурные патрульные прямо на месте преступления, не дав скрыться. Пойманный с поличным своими руками стражник даже не сразу поверил в случившееся, то и дело приговаривая:

— Такой сопляк — и вдруг решился на поджог?

То масло оказалось отборным, очищенным по высшему разряду, вспыхивало оно мгновенно. Ма Шо спросонья перепугался и случайно плеснул масло себе на правую руку, так что та сильно обгорела.

Соседи сбежались тушить пожар, и вся улица шумела так, будто наступил великий праздник. Ма Шо, находясь под надзором стражи, стоял у обочины дороги и, преодолевая жгучую боль в обожженной руке, торжествуя таращился на сидевшего на противоположной стороне улицы Цзи Чаоань, который уткнулся лицом в колени и горько плакал.

Вдруг Цзи Чаоань поднял голову и встретился с ним взглядом. Было ли на его лице хоть капля слез?

Мало того, что следов плача не нашлось, он еще и показал Ма Шо язык.

Ма Шо остолбенел, уставившись на Цзи Чаоань.

Ребенок есть ребенок, опыта у него было маловато, и поведение Цзи Чаоань, выбивавшееся из всяких рамок, ввергло его в растерянность.

В глубокой ночи тусклый свет фонарей и факелов выхватывал неясные силуэты, а лицо Цзи Чаоань уже скрылось в темноте. Но тот мимолетный гримасничающий жест глубоко запечатлелся в глазах Ма Шо, не желая исчезать. Четкие линии его глаз и губ словно исказились, постепенно увеличиваясь перед глазами подобно злобному духу, и казалось, что все это сопровождается резким издевательским смехом, доносящимся из преисподней.

Он забормотал:

— Почему ты не злишься? Почему не... боишься? Наверняка притворяешься, специально скорчил эту самоуверенную рожу, чтобы обмануть меня... Врешь, лжец, лжец! А-а-а-а!

Ма Шо вдруг пронзительно закричал. В обожженной правой руке вспыхнула дикая, пронизывающая боль, мальчик бессильно осел на землю, обхватив руку руками, с бледным лицом, залитым слезами и соплями, испуская вопли один страшнее другого.

Стоявший на страже патрульный даже не шелохнулся, лишь опустил взгляд на мальчишку, смешав в своем выражении безразличие и жалость, и вздохнул:

— Только теперь дошло до него, чего он натворил. Двумя словами: поздно. Четыре слова: раскаиваться уже некуда.

Госпожа Юй, еще не оправившаяся от ранений, приковыляла сюда в сопровождении Ма Сяохуа. Едва приблизившись, она оттолкнула дочку, рухнула рядом с Ма Шо и завывала в голос. Выплакавшись, она бросилась на колени перед стражниками и забила челом о землю, переходя от рыданий к крикам:

— Сжальтесь, господа стражники! Сжальтесь, господа стражники! Мой муж уже в тюрьме, нельзя забирать еще и сына! Мне нет больше жизни! Вы хотите загнать нашу семью в могилу, господа стражники!

Стражники торопливо отступили на пару шагов, доведенные этой скандальной бабой до белого каления. Рука одного из них нервно сжимала и разжимала рукоять сабли, а сам он скрежетал зубами:

— Если бы не строгие порядки господина Куна, я бы сейчас собственными руками свернул твою глотку, птичий твой язык!

Госпожа Юй принялась голосить еще пуще, приплетая в проклятиях и Цзи Чаоань.

Цзи Чаоань пропустил все мимо ушей, поблагодарил соседей и стражников за помощь в тушении пожара и вернулся во двор разбирать завалы.

Ма Шо же вместе с матерью и сестрой забрали патрульные. Теперь все четверо членов семейства могли воссоединиться в тюремных застенках.

Когда вокруг снова воцарилась тишина и прошло немало времени, небо на востоке стало понемногу сереть. Какая-то фигура бесшумно выскользнула из переулка Хуайшу.

Цзи Чаоань внезапно открыл глаза в темноте, тяжело вздохнул, исподтишка стукнул кулачком по постели и выругался про себя:

— Этот Гао Яо... до чего же противный тип!

Фигура, покинувшая переулок Хуайшу, прибавила шагу и в два счета добежала до небольшой постоялый двор в переулке Байян, что в двух кварталах отсюда. Там он записал все виденное за ночь и передал записку мальчику-слуге.

Тот воспользовался случаем во время поручения и передал запечатанный сверток торговцу тофу, стоявшему у входа в постоялый двор.

<http://bllate.org/book/21199/2145913>